
Анастасия Вежина
Внуки твои, квартира Наша

Анастасия Вежина

Внуки твои, квартира наша

https://litres.ru/74784159
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Лариса вернулась с работы, сын уже стоял в её спальне с рулеткой. Антон всё рассчитал: ему, жене и двум детям достанется просторная мамина квартира, а для неё найдётся маленькая съёмная студия. Согласия матери он даже не спросил. Зато внукам уже пообещал новую комнату.

Ларисе пятьдесят девять. Она любит своих внуков, работу в цветочной мастерской и тихие прогулки с фотоаппаратом. Но сын уверен: если семья нуждается в помощи, мать обязана уступить. Когда Лариса говорит «нет», в ход идут обиды, ультиматумы и самое больное — угроза разлучить её с детьми.

Сможет ли она сохранить близких, не отказавшись от собственного дома и права на свою жизнь? Эмоциональная история о семейной любви, которая не должна требовать жертвовать собой.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 21
Глава 3 38
Г 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Внуки твои, квартира наша

Глава 1

В мастерской к семи вечера всегда пахло одинаково: горьковатым соком подрезанных хризантем, мокрой древесной корой и сырым цементом из угла, где стояли цинковые ведра для срезки. От холодной проточной воды пальцы у меня к концу смены обычно немели и становились непослушными, точно деревянными, а на правом указательном темнела несмываемая зеленая полоса от листьев эвкалипта.

Я заперла стеклянную витрину, стянула брезентовый фартук и пару минут просто стояла в тишине, прижавшись поясницей к прохладному рабочему столу. Ноги в удобных мягких туфлях гудели привычной тупой усталостью — той самой, от которой не хочется жаловаться, а хочется только поскорее сесть в автобус, прислониться лбом к пыльному стеклу и смотреть, как на мокром асфальте дрожат желтые отражения уличных фонарей.

Сентябрь в этом году начался рано и резко. Дождь шел третий день подряд, сбивая с кленов тяжелую ржавую листву. Ветер рвал зонты на перекрестках, кружил у ног фантики и клочья рекламы, а воздух пах прелой травой и скорой зимой.

До моего дома было три остановки. Я всегда любила эту

недолгую вечернюю дорогу, разделявшую день на работу и покой. Любила зайти в булочную за углом, купить половинку подового хлеба в хрустящем бумажном пакете, неторопливо подняться по широким ступеням сталинского дома на свой третий этаж и повернуть в замочной скважине тяжелый ключ с двумя резными бородками. Два мягких, знакомых до последней шероховатости щелчка — и за дверью открывалась моя жизнь. Жизнь, которую я собирала по кусочкам двадцать пять лет после тяжелого, выматывающего развода: светлые обои в мелкую бледную полоску, большой абажур над круглым столом, книги на полках, ровное гудение старого, но надежного холодильника и тишина. Чистая, спокойная тишина, в которой не нужно было ни под кого подстраиваться, не нужно было оправдываться за остывший чай или за то, что мне захотелось лечь спать в девять вечера, не выключив ночник.

Я поднялась на площадку третьего этажа, переложила пакет с хлебом под мышку и полезла в карман плаща за связкой.

И замерла.

Верхний замок — простой защелкивающийся «английский» цилиндр — был открыт. Нижний, основной сувальдный, тоже не был заперт: замочная скважина стояла вертикально.

Сердце глухо толкнулось куда-то под ключицу и забилось неровно, часто. Первая мысль была нелепой и детской: воры.

Но какие воры станут зажигать свет? Под дверью, прямо на вытертом пыльном бетоне площадки, лежала тонкая, ровная полоска желтого электрического света.

Из глубины коридора донесся звук, от которого у меня мороз прошел по коже: сухой, резкий металлический щелчок, затем короткий шелест разматываемой стальной ленты и звонкий хлопок — так пружина втягивает металлическое полотно рулетки обратно в круглый пластиковый корпус.

Я взялась за холодную латунную ручку, нажала вниз и толкнула тяжелую створку.

— Кто здесь? — голос сорвался, прозвучав хрипло и тихо.

— Мам, это я! Не пугайся, заходи, — донеслось из глубины квартиры. Голос был абсолютно спокойным, деловым, с той торопливой хозяйской ноткой, с какой прораб окликает заказчика на стройплощадке.

Я шагнула через порог, медленно прикрыла за собой дверь и опустила на тумбочку сумку.

У порога стояли чужие уличные ботинки — массивные, с толстыми черными подошвами, облепленными серой дорожной грязью. Ботинки Антона. Рядом с аккуратными рядами моих домашних тапочек на светлом линолеуме темнели влажные, подсыхающие следы: он даже не разулся сразу у порога, прошел вглубь прихожей, и только потом скинул обувь.

Снова раздался сухой металлический лязг рулетки. Звук шел из моей спальни — дальней, самой просторной и свет-

лой комнаты с широким окном, выходившим в тихий зеленый сквер.

Я прошла по коридору, не снимая плаща. В горле першило от внезапной духоты.

Антон стоял посреди комнаты в одних темно-синих носках. Куртку он бросил прямо на мою заправленную кровать, на вязаное светлое покрывало, которое я только в прошлую субботу забрала из химчистки. В одной руке сын держал толстую желтую рулетку, в другой — мобильный телефон с включенным экраном, на котором светилось открытое приложение для быстрых заметок. На лбу у него залегла напряженная складка, темные волосы были влажными от дождя.

— Антон? — я остановилась в дверном проеме, держась рукой за гладкий косяк. Пальцы на дереве свело от холода. — Ты что здесь делаешь?

Сын обернулся, мельком глянул на меня, будто мы расстались десять минут назад, и снова приложил наконечник рулетки к плинтусу возле моего платяного шкафа.

— О, мам, привет. Ты вовремя. Я тут как раз прикидываю, как все встанет. Три сорок по этой стене, да? Или три сорок пять? — Он нажал кнопку стопора, лента с жужжанием свернулась. — Слушай, а шкаф твой трехстворчатый сколько в глубину? Сантиметров шестьдесят? Его отсюда по-любому убирать надо. Если сюда двухъярусную кровать ставить, он весь проход к окну перекроет.

Я смотрела на его широкую спину, обтянутую серым

офисным джемпером, на куртку, бесцеремонно вдавленную в мое покрывало, на светящийся экран телефона, и слова застревали в горле, как колючки сухого чертополоха.

— Антон. Положи рулетку.

Он удивленно повернул голову:

— Чего?

— Положи рулетку и ответь мне: как ты сюда вошел?

Сын вздохнул — тем самым привычным, снисходительным вздохом, каким взрослые сыновья вздыхают на непонятливость пожилых матерей, — и небрежно сунул инструмент в карман брюк.

— Мам, ну как вошел? Ключом. Ты же сама мне давала дубликат.

— Я давала тебе запасной ключ три года назад, когда уезжала в санаторий поливать цветы. И сказала: на экстренный случай. Если прорвет трубу или случится пожар. Трубу прорвало?

— Господи, мам, ну не начинай на пустом месте, — поморщился Антон, доставая пачку влажных салфеток и вытирая испачканные в пыли пальцы. — Какой пожар? Я с работы ехал по нашему району, освободился пораньше, на полчаса. Домой на другой конец тащиться по пробкам — полтора часа потерять. Знаю, что у тебя смена до семи. Решил заехать, снять размеры по-быстрому, пока светло. Зачем мне было тебя дергать звонками, отвлекать от работы? У меня был ключ, я открыл. Что в этом криминального? Я к матери

в квартиру зашел, а не к чужим людям в сейф залез.

— Без предупреждения, Антон. В мою закрытую квартиру.

— Ладно, извини, если напугал, — бросил он легко, почти не слушая самого себя, и тут же махнул рукой в сторону окна. — Ты лучше послушай. Мы с Полиной все выходные считали. С калькулятором сидели до двух ночи. Ты же знаешь, какая у нас на съемной задница. Хозяин со следующего месяца опять аренду поднимает на пять тысяч. За что? За эту убогую хрущевку, где кухня пять метров и в прихожей вдвоем не разойтись? Егор во втором классе, ему уроки делать негде, он за кухонным столом сидит, пока Полина суп варит. Алиса под ногами крутится, карандаши отбирает, орет. У детей нормальной детской нет! Они спят нос к носу, продышаться негде.

Он заговорил быстро, напористо, с той особенной деловой убедительностью, с какой на своей работе заказывал вагоны строительных смесей и выбивал скидки у поставщиков. Он шагал по моей спальне — от окна к платяному шкафу, от шкафа к туалетному столику, — и каждый его шаг казался мне тяжелым, незваным, забирающим воздух.

— Смотри, мам, расклад идеальный, — Антон ткнул пальцем в сторону угла, где стояло мое старое вольтеровское кресло с торшером. — Сюда встает отличная двухъярусная кровать. Мы в каталоге уже присмотрели: из массива сосны, белая, с защитными бортиками и выдвижными ящика-

ми внизу для белья и игрушек. Егор наверху, Алиска внизу. Вдоль окна, вот здесь, ставим длинную столешницу на два рабочих места. Егору под компьютер и тетрадки, Алиске — пластилин лепить. Комната огромная, восемнадцать метров, светлая, воздуха море! А нам с Полиной за глаза хватит твоей большой комнаты. Наш диван туда встанет идеально, еще и шкаф поместится. И всем удобно. Школа у Егора в двух кварталах, не надо через шоссе возить. Садик Алискин — через дорогу.

Я стояла неподвижно. Пальто тянуло плечи вниз мокрой тяжестью, но я не двигалась. В комнате пахло чужим резким одеколоном и пылью, которую он поднял, когда лазил с рулеткой за шкаф.

— Вы с Полиной решили, — тихо повторила я.

— Ну конечно! А как иначе? Семья должна держаться вместе, помогать друг другу. Мы же не чужие люди. Мы уже три года чужому дяде деньги за съем отдаем, понимаешь ты это или нет? Двести сорок тысяч в год просто в трубу улетает! На эти деньги можно было бы ипотечный взнос закрыть или детям зубы вылечить.

— А я, Антон? — спросила я, глядя ему прямо в глаза.

Сын даже не сбился с шага. Казалось, он ждал этого вопроса и приготовил на него ответ заранее, аккуратно заучив нужные формулировки.

— А для тебя мы нашли отличный вариант. Просто конфетка. Полина вчера на сайте наткнулась, объявление толь-

ко вывесили. Новенькая студия в Западном микрорайоне. В новостройке, дом всего два года как сдан. Там консьерж, два скоростных лифта, чистый подъезд, пандус. Студия небольшая, двадцать четыре квадрата, но ремонт свежий, евро: ламинат светлый, плитка в санузле новенькая, лоджия застекленная до пола. Кухня-ниша уже стоит, плита индукционная. Тебе одной — просто дворец! Убираться меньше, квартплата копеечная. Мы сами будем за нее платить, мам. Полностью! Из той разницы, что сэкономим на нашей двушке. Ты ни копейки своей пенсии или зарплаты не потратишь.

Он подошел ближе, улыбнулся своей прежней мальчишеской улыбкой — той, которой когда-то в школе выпрашивал прощение за разбитое стекло или тройку по геометрии, — и положил руку мне на плечо.

Ладонь у него была тяжелая, горячая.

— Ты подумай сама, мам. Ты здесь одна в двух огромных комнатах. Зачем тебе столько? Пыль гонять по углам? А нам четверым жить негде. И тебе там будет спокойно, тихо. Никто не шумит. А внуков ты все равно будешь видеть: мы же рядом, на машине двадцать минут. Будешь приезжать в гости по выходным, пироги печь, с Алиской гулять. Егора после уроков сможешь забирать, как сейчас, уроки с ним делать тут, пока мы на работе. Все в плюсе!

Я посмотрела на его пальцы, лежащие на ткани моего плаща. Пальцы взрослого тридцатипятилетнего мужчины с золотым обручальным кольцом.

— Студия в Западном, — сказала я ровным, сухим голосом. — В том районе, где до ближайшей поликлиники три пересадки, а до моей работы полтора часа на двух автобусах?

— Да брось ты эту свою лавку! — с досадой отмахнулся он, убирая руку. — Сколько ты там получаешь за свои букеты? Слезы одни. Больше ноги бьешь в холодной воде. Уйдешь на пенсию окончательно, отдохнешь наконец. Тебе шестьдесят в следующем году! Сколько можно на ногах стоять?

— Пятьдесят девять, Антон. Мне пятьдесят девять лет. И я не собираюсь уходить из мастерской. Мне нравится моя работа.

— Ну, будешь на пенсии дома сидеть, сериалы смотреть, книги читать. В парк ходить. Там возле новостроек отличный сквер заложили, деревья молодые посадили...

— Антон, — перебила я. — Ты детям об этом говорил?

Он замялся на полсекунды. Глаза у него дрогнули, скользнули в сторону окна, но напор не исчез — он лишь стал жестче, приобретая знакомый оттенок глухого раздражения.

— Ну... говорил. А что такого?

— Что именно ты сказал Егору?

— Сказал, что скоро переедем в большую квартиру. Что у него наконец-то будет своя нормальная комната, где он сможет расставить свой конструктор и где к нему смогут приходить друзья из класса. Что бабушка согласится, потому что бабушка его любит. Мам, он вчера весь вечер на полу си-

дел, план рисовал! Куда он глобус поставит, куда машинки сложит. Алиска вокруг него скакала, кричала: «У меня будет двухэтажная кровать!». Дети счастливы, понимаешь ты? Они уже мысленно чемоданы пакуют.

В комнате повисла тяжелая, гулкая тишина.

За окном шелестел мелкий холодный дождь. Капли с тихим стуком разбивались о жестяной отлив. Где-то далеко, на проспекте, протяжно засигналила застрявшая в пробке машина.

Я смотрела на сына и физически, всем телом чувствовала, как захлопывается ловушка. Аккуратно, расчетливо выстроенная ловушка из детских надежд, сыновнего долга, материнской вины и пресловутого «детям нужнее». Он не спросил меня. Он даже не попытался начать с разговора со мной, не спросил, как я себя чувствую, какие у меня планы на эту осень, хочу ли я вообще что-то менять в своей жизни.

Они с Полиной сели, посчитали чужие квадратные метры, распределили чужие комнаты, решили за меня, где мне жить, сколько мне работать и когда уходить на пенсию. И, чтобы отрезать мне любые пути к отступлению, заранее положили между нами восьмилетнего мальчика с его тетрадками и четырехлетнюю девочку с фломастерами.

Если я соглашусь — я исчезну. Меня запакуют в коробки вместе с чашками и старыми фотографиями, отвезут на край города в бетонную коробку площадью двадцать четыре метра и будут милостиво разрешать приезжать по выходным,

чтобы посидеть с их детьми, пока они отдыхают.

А если я откажусь — я стану чудовищем. Бабушкой, которая пожалела лишнюю комнату для родных внуков.

В горле саднило. Очень хотелось закрыть глаза, опереться на стену и сказать то, что я говорила Антону всю его жизнь: «Ну хорошо, сынок. Давай подумаем. Может быть, как-то иначе...». Сгладить угол. Уступить. Взять на себя чужую тяжесть, как я брала ее все эти годы, когда тянула его одна после ухода мужа, когда брала подработки по ночам, когда отдавала последнее, чтобы у него были нормальные кроссовки и институт без долгов.

Привычка уступать сидела глубоко под кожей, зудела в суставах, нашептывала: «Не ссорься. Он же твой сын. Он же в тупике. Ему трудно».

Но я посмотрела на брошенную на мое покрывало куртку. На комья серой дорожной грязи у плинтуса. На желтую рулетку, торчащую из кармана его брюк.

Эта квартира не упала мне с неба. Ни один метр здесь не достался мне даром. Я выплачивала за нее долги семь долгих, серых лет, экономя на колготках и масле. Я сама шпатлевала эти неровные старые стены, сама отмывала окна от вековой пыли, сама выбирала этот круглый стол, за которым мечтала пить утренний кофе в тишине. Это был мой дом. Единственное место на земле, где я никому ничего не была должна.

— Нет, Антон, — сказала я.

Слово прозвучало негромко. Без крика, без надрыва, без дрожи. Просто два коротких звука, упавших между нами, как сухие камни на дно колодца.

Сын замер. Рука его, полезшая было в карман за салфеткой, остановилась.

— Что — «нет»? — переспросил он, нахмурившись, будто не расслышал или услышал слово на незнакомом иностранном языке.

— Я никуда не перееду. И эту квартиру я вам не отдам.

Антон уставился на меня. Складка на его лбу стала глубже, на щеках проступили неровные красные пятна. Он нервно дернул уголком рта, попытался усмехнуться, но усмешка вышла кривой, натянутой.

— Мам, ты чего? Ты не поняла ничего, да? Какое «отдам»? Мы не забираем у тебя квартиру, никто ее не переписывает! Ты остаешься собственником. Мы просто меняемся жильем, временно, пока дети маленькие! Мы за студию сами платить будем, я же тебе русским языком сказал.

— Я не поеду в студию, Антон. Ни временно, ни навсегда. Я останусь жить здесь. В своей спальне. В своем доме.

— В своей спальне? — голос его дрогнул, пополз вверх, срываясь на злую, обиженную хрипоту. — В спальне?! То есть тебе вот эти обои и этот шкаф дороже родного сына? Дороже внуков? Ты вообще слышишь себя? Я тебе говорю: нам жить негде! У нас денег нет снимать трешку в центре! А ты сидишь одна на шестидесяти метрах и за свою кровать

держишься?!

— У вас есть двухкомнатная квартира, Антон. Вы ее снимаете, вы в ней живете. Никто вас на улицу не выгоняет.

— Мы платим за нее половину моей зарплаты! — рявкнул он, шагнув ко мне. — Половину! А могли бы эти деньги на детей тратить! Ты о них вообще подумала? Ты Егору в глаза как смотреть будешь? Я ему что завтра скажу? «Извини, сынок, бабушке одной спать просторнее, поэтому живи в прихожей на коврике»?! Так мне ему сказать?!

Я почувствовала, как внутри все сжалось в тугой, ледяной узел. Удар был точным, рассчитанным прямо в сердце. Он бил туда, где всегда болело, — в жалость к детям.

— Ты скажешь ему правду, Антон, — ответила я, глядя ему прямо в расширенные, злые зрачки. — Ты скажешь, что ты пообещал ему то, что тебе не принадлежит. Что ты не имел права обещать чужой дом, не спросив его хозяйку.

— Чужой дом?! — он отшатнулся, всплеснув руками, и лицо его перекосилось от неподдельного, искреннего бешенства. — Чужой?! Значит, для тебя сын и внуки — чужие люди? Вот так, да? Вырастила, выучила, а теперь — «чужой дом»? Спасибо, мама! Низкий тебе поклон! Полина говорила мне, предупреждала: «Даже не надейся, твоя мать ради внуков пальцем не пошевелит, она только о себе думает!». А я дурак, спорил с ней! Доказывал, что ты нас любишь, что ты поможешь!

Он схватил с кровати свою куртку, скомкал ее в руках,

едва не вырвав молнию с корнем.

— Не позорь меня перед семьей, слышишь? — зашипел он, наклоняясь ко мне так близко, что я почувствовала запах его несвежего кофе и табака — он опять начал курить, хотя клялся Полине, что бросил. — Не позорь! Я мужчина, я глава семьи, я принял решение! Ты не имеешь права выставлять меня перед женой и детьми пустозвоном! Ты понимаешь, что ты делаешь?!

— Я защищаю свой дом, Антон. И свое право жить в нем так, как считаю нужным.

— Да подавись ты своим домом! — выкрикнул он, с размаху натягивая куртку на плечи. Рукав затрещал. — Сиди здесь одна! Пыль протирай со своего шкафа! Смотри телевизор, пока не сгниешь от скуки! Только потом не звони и не ной, что к тебе никто не приходит и внуков не привозит!

Он выскочил из спальни в коридор, тяжело топая носками по линолеуму.

Я вышла следом, медленно, держась за стену. Ноги подкашивались, в висках стучала тяжелая горячая кровь.

Антон с остервенением натягивал свои грязные ботинки, не расшнуровывая, сминая жесткие задники пальцами. Дышал он тяжело, с хрипом, лицо было багровым.

— Антон.

Он замер, не поднимая головы, с силой затягивая шнурок на правом ботинке.

— Ключ, — сказала я.

Сын медленно выпрямился. Взгляд его, тяжелый, налитый свинцовой обидой, уперся мне в переносицу.

— Что?

— Верни запасной ключ от моей квартиры.

Он издал короткий, лающий смешок.

— Ключ? Ты боишься, что я ночью приду твои серебряные ложки украсть? Или стулья вывезу?

— Ты вошел сюда без спроса. Ты распоряжаешься моими вещами. Ключ должен лежать здесь. Положи его на тумбочку.

Антон сунул руку в карман джинсов, нащупал связку. Металл звякнул. На секунду мне показалось, что он швырнет ее мне под ноги. Но он сжал зубы, вытащил руку обратно — пустую — и с силой дернул на себя входную дверь.

— Ключ у меня в машине на другой связке остался, — бросил он холодно, не глядя на меня. — Завтра завезу. Или на неделе. Не переживай, не облезет твоя крепость.

Дверь распахнулась, впуская в прихожую холодный, влажный сквозняк подъезда.

— Остынь, мам, — сказал он уже с лестничной площадки, оборачиваясь через плечо. Злость в его голосе сменилась привычной, тягучей уверенностью человека, который считает, что оппонент просто капризничает и скоро сдастся. — Переспи с этой мыслью. Ты устала после смены, наговорила глупостей. Завтра все взвесишь нормально, без истерик. Я Полине пока ничего говорить не буду, чтобы ее не расстра-

ивать. Мы завтра к этому разговору вернемся.

— Мы не вернемся к этому разговору, Антон.

— Вернемся, — отрезал он с темной усмешкой. — Никуда ты не денешься. Ты бабушка. А они — твои внуки.

Он повернулся и стал быстро спускаться по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Тяжелые шаги гулко отдавались в пустом подъезде: топ-топ-топ, хлопнула внизу входная железная дверь, звякнул кодовый замок.

И наступила тишина.

Я закрыла дверь, повернула сувальдный замок на два оборота, опустила защелку. Прислонилась спиной к деревянному полотну и сползла бы на пол, если бы не удержалась за край тумбочки.

В прихожей пахло чужой сыростью и бензином. На светлом линолеуме чернели подсохшие комья грязи с его подошв. В спальне на моем чистом светлом покрывале осталась примятая, продавленная полоса там, где лежала его куртка. А в кармане его брюк остался мой запасной ключ.

Он не поверил мне. Он ни на секунду не поверил в мое «нет». Он решил, что у меня просто испортилось настроение от усталости, что я подуюсь день-два, поплачу в подушку от чувства вины, а потом сама позвоню и скажу: «Приезжайте, перевозите вещи».

Я сняла мокрый плащ, аккуратно повесила его на плечики. Разулась, убрала туфли. Прошла на кухню, набрала в ведро теплой воды, капнула немного мыла и взяла тряпку.

Сначала я тщательно, сантиметр за сантиметром, смыла с линолеума в прихожей чужие грязные следы. Протерла плинтус. Потом пошла в спальню, сняла покрывало и убрала его в бельевую корзину — завтра постираю.

На кухонном столе лежал пакет с подовым хлебом. Чайник остыл, так и не закипев.

Я налила в стакан холодной воды из фильтра, сделала несколько жадных глотков. Руки мелко, противно дрожали.

Впереди была долгая ночь, и я знала, что не усну. Но когда я посмотрела в темное окно, за которым в сквере качались под ветром мокрые ветви кленов, страха не было. Была только тяжелая, холодная ясность.

Моя квартира оставалась моей. И за это мне теперь придется заплатить сполна.

Глава 2

Спать в ту ночь я так и не легла.

Разобрала постель, взбила подушку, легла поверх простыни, натянув шерстяной плед до самого подбородка, но стоило закрыть глаза, как в ушах снова начинал звенеть тонкий, металлический щелчок втягивающейся рулетки. В темноте спальни воздух казался спертым, чужим. Я видела темный силуэт трехстворчатого шкафа у стены, белеющую полосу подоконника и мысленно примеряла: вот сюда он собирался втиснуть сосновые стойки, сюда — бросить матрасы для детей, а меня выставить за порог, как ненужную тумбочку, для которой не нашлось места в новом гарнитуре.

Около пяти утра я поднялась, накинула халат и пошла на кухню.

Дом еще спал. За окном в сером предрассветном тумане изредка шуршали шинами первые поливальные машины. Я зажгла конфорку, поставила маленькую медную турку на рассекатель и долго смотрела, как по темному кофейному кругу бегут первые коричневые пузыри. Пальцы на ручке турки не дрожали — ночная растерянность ушла, оставив вместо себя сухую, звенящую пустоту и тяжесть в висках.

Сегодня был вторник.

По вторникам и четвергам я обычно не выходила в цветочную мастерскую. Эти дни у меня уже два года были отда-

ны внуку. В половине второго дня звенел звонок с последнего урока во второй школе, и я должна была стоять у чугунной ограды школьного двора, встречать Егора, забирать его ранец, вести к себе, кормить супом и сидеть с ним за прописями и математикой, пока в семь вечера со смены не приедет Полина или пока Антон не заберет его по дороге с базы.

Это было привычное, заведенное раз и навсегда расписание. Никто никогда не спрашивал, удобно ли мне во вторник, есть ли у меня свои планы, не болит ли голова. Это просто существовало как данность: вторник и четверг принадлежали семье сына.

Телефон на холодильнике негромко пискнул, оповещая о сообщении.

Я подошла, взяла трубку. Сообщение от Полины, отправленное еще в половине седьмого утра: «Лариса Андреевна, доброе утро. Егор в школе, заберите его сегодня, как обычно, в 13:30. У меня сегодня длинная запись в салоне, буду поздно, часам к восьми. Антон после пяти заскочит за ним. Сменку проверьте, он вчера опять мешок в раздевалке забыл».

Ни слова о вчерашнем. Ни ползвука. Ни «как вы себя чувствуете», ни «что вчера произошло». Обычная деловая записка работодателя, скинутая дежурной няне.

Полина, конечно, всё знала. Антон не мог не рассказать ей вчера вечером о моем отказе. Они наверняка сидели на своей съемной кухне, злились, перемывали мне кости, назы-

вали эгоисткой. И эта утренняя эсэмэска была проверкой на прочность: проглочу ли я вчерашний наглый наскок, побегу ли исполнять привычные обязанности или встану в позу?

Первым порывом — горьким, злым — было набрать номер невестки и сказать коротко: «Забирайте сами. Я больше не нанималась».

Палец завис над экраном.

И тут же перед глазами встал Егор. Худой восьмилетний мальчишка с вечно сбитыми коленками, в курточке с оторванной верхней пуговицей, которую я трижды обещала пришить и всё забывала. Он выйдет на школьное крыльцо, сядет на холодную гранитную ступеньку со своим тяжелым ранцем и будет ждать. Мимо будут проходить чужие мамы, бабушки с зонтиками, охранник в камуфляже станет ворчать, что школа закрывается, а Егор будет сидеть и вглядываться в калитку, не понимая, за что его бросили.

Взрослые затеяли войну за квадратные метры, а расплачиваться за нее должен второклассник, оставшийся один под осенним дождем?

— Нет, — сказала я вслух пустой кухне. — Так не пойдет.

Я убрала телефон в карман фартука.

Ребенок не виноват. Если я сейчас накажу мальчика за хамство его отца, я ничем не буду отличаться от Антона, который вчера пытался прикрыться детскими надеждами, как щитом. Я выполню то, что обещала на эту неделю. Дойду до школы, заберу внука, накормлю его горячим обедом. Но ни

на миллиметр не сдвинусь с того, что сказала вчера.

К полудню я сварила куриный бульон с мелкой вермишелью, начистила морковки, напекла сырников со сметаной — Егор их обожал, особенно когда они еще теплые, с хрустящей корочкой. В квартире пахло ванилью и жареным маслом. Дом выглядел мирным, обжитым, уютным. Я сняла фартук, надела свое строгое серое пальто, повязала на шею шерстяной платок и вышла на улицу за полчаса до звонка.

Дождь сегодня перестал, но небо висело низко, тяжелое, серое, словно вымазанное мокрой золой. Воздух был холодным, пронизывающим. У школьных ворот уже собирались женщины — в основном бабушки в вязаных беретах и молодые мамы с колясками. Все переминались с ноги на ногу, прятали носы в воротники, тихо переговаривались о домашних заданиях и сборах на новые шторы для класса.

Я встала чуть в стороне, возле старого тополя.

Ровно в половине второго двери школы распахнулись, и на крыльцо хлынула пестрая, галдящая волна детей. Егора я увидела сразу: шапка набок, ухо торчит, куртка расстегнута настежь, а синий сменный мешок волочится по мокрым ступеням.

— Егор! — окликнула я.

Он поднял голову, лицо его осветилось широкой, щербатой улыбкой, и он помчался ко мне через двор, перепрыгивая через лужи.

— Бабушка! А мы сегодня на окружающем мире про боб-

ров читали! Ты знала, что они деревья зубами пилят быстрее, чем пилой?

Он врезался в меня со всего маху, уткнувшись носом в пальто, пахнущий школьным мелом, влажной шерстью и яблоком. Я прижала его к себе, поправила съехавшую шапку и застегнула молнию на куртке до самого подбородка.

— Знала, Егорушка. А еще я знаю, что кое-кто опять волочит сменку по грязи. Давай сюда ранец, он тяжелый.

— Я сам могу, я сильный! — заупрямился он, но ранец послушно отдал, а сам ухватился за мою теплую ладонь в перчатке.

Мы пошли по тихому переулку в сторону моего дома. Егор безостановочно трещал: про соседа по парте, который капнул клеем на тетрадь, про строгую учительницу Тамару Васильевну, про то, что в столовой сегодня давали невкусную запеканку. Я слушала его голос, сжимала его худенькую теплую руку и чувствовала, как внутри понемногу оттаивает ледяной ком, сжавший грудь еще со вчерашнего вечера.

Вот ради этого стоило жить. Ради этих искренних, чистых глаз, ради его детской веры в то, что мир добр и надежен. Но именно поэтому я не имела права позволить сыну превратить эту детскую любовь в разменную монету для шантажа.

Дома Егор первым делом скинул ботинки прямо посреди прихожей — совсем как отец, но без той хозяйской наглости, а просто по-мальчишески торопливо.

— Мой руки, Егор. Мыло с полки достанешь, и сразу за

стол. Суп стынет.

Пока он шумно плескался в ванной, напевая какую-то дурацкую считалочку, я налила в глубокую тарелку янтарный бульон, посыпала свежим укропом и положила на блюдце ломоть хлеба.

Егор ел быстро, с аппетитом, за обе щеки уплетая сырники.

— Бабуль, а у тебя суп всегда вкуснее, чем у мамы, — сказал он, вытирая рот рукавом кофты.

— Рукавом не вытирай, для этого салфетки есть. Мама устает на работе, ей некогда варить бульон по три часа, — машинально, по многолетней привычке заступилась я за невестку.

— Ага, — легко согласился он. — Она вчера весь вечер на папу ругалась. Кричала, что ей всё надоело и что мы в коробках живем.

Я замерла с чайником в руке.

— А папа что?

— А папа сказал: «Молчи, я всё решу, мать никуда не денется». А потом они дверь на кухню закрыли, и я больше не слышал, пошел роботов собирать.

Кипяток с глухим плеском полился в чашку. Рука оставалась твердой, но внутри словно протянули ледяную нить. «Мать никуда не денется». Вот, значит, как. Он был абсолютно, железобетонно уверен, что я сломаюсь при первом же нажиме.

— Понятно, — тихо сказала я, ставя чайник на место. — Допивай чай, Егорушка, и доставай русский язык. Тамара Васильевна сказала, что за почерк тебе вчера четверку с минусом поставила.

Мы устроились за круглым столом в большой комнате. Егор разложил тетради, долго ковырялся в пенале, вздыхал над строчками с упражнением. Я сидела рядом, проверяла примеры, мягко возвращала его внимание к строчкам, когда он начинал смотреть в окно на воробьев, скачущих по веткам ясеня.

Было без четверти четыре, когда мой телефон на журнальном столике зажужжал.

На экране высветилось: «Антон».

Я не стала отвечать при ребенке.

— Егор, пиши вот до этой точки, я сейчас вернусь, — сказала я, взяла аппарат и вышла в коридор, плотно притворив за собой дверь комнаты.

Нажала кнопку приема:

— Да, Антон.

В трубке послышался бодрый, деловитый шум: гудели моторы, хлопали двери, кто-то вдалеке кричал про разгрузку поддонов. Антон говорил на ходу, быстро пережевывая слова:

— Алло, мам! Привет. Ты Егора забрала?

— Забрала. Мы дома, он делает уроки.

— А, ну отлично, — в его голосе прозвучало не просто

облегчение, а та самая снисходительная, победная нотка, от которой у меня сжались кулаки. — Я так и знал. Молодец. Полина утром переживала, дергалась, говорила, что ты после вчерашнего взбрыкнешь и назло не пойдешь в школу. А я ей сразу сказал: брось, мать у меня разумный человек. Подуется с вечера, поворчит, пар выпустит, а детей не бросит. Семья есть семья.

Я молчала, глядя на темные узоры обоев в коридоре. Тишина в трубке его не смутила — он принял ее за покорное согласие и тут же покатил дальше, развивая успех:

— Короче, мам, слушай сюда. Я сегодня созванивался с риелтором по поводу той студии на Западном. Он говорит, до конца недели надо внести аванс, иначе вариант уйдет, там еще двое покупателей на просмотр стоят. Мы с Полиной посоветовались: в субботу с утра я за тобой заеду, часам к десяти. Отвезу тебя на место, посмотришь своими глазами. Там правда всё шикарно: этаж средний, не угловая, окна во двор. Ты убедишься, что мы тебе не гадость какую-то подсовываем, а нормальное жилье. До субботы как раз успеешь вещи по коробкам прикинуть, что с собой возьмешь, что выбросить. Мебель здешнюю продавать не будем, мы ее под себя оставим, так что тебе только тряпки и посуду собрать...

Он говорил уверенно, напористо, с хозяйским размахом, не сомневаясь, что дело решено. Тот факт, что я сегодня по расписанию пошла за внуком в школу, в его голове означал только одно: крепость пала, мать капитулировала, можно на-

чинать выселение.

— Антон, — сказала я. Не громко, но так, что он запнулся на полуслове.

— А? Что такое? Тебе десять утра неудобно? Можем к одиннадцати, если выспаться хочешь.

— Ни в десять, ни в одиннадцать. Ни в субботу, ни в какой другой день. Я никуда не поеду смотреть чужую студию.

На том конце провода наступила короткая пауза. Было слышно, как тяжело и шумно он дышит в трубку.

— Мам... Ты сейчас серьезно? Ты надо мной издеваешься, что ли?

— Я говорю абсолютно серьезно. Точно так же, как говорила тебе вчера вечером.

— Подожди! — голос его сорвался на злой, искренне возмущенный фальцет. — Ты же пошла за Егором! Ты забрала его из школы, ты сидишь с ним у себя дома! Какого черта ты мне сейчас голову морочишь?!

— Я пошла за Егором, потому что обещала помочь на этой неделе, — раздельно, чеканя каждое слово, произнесла я. — Я дала слово встретить внука во вторник и четверг. И я свое слово держу. Но это не значит, что я согласилась отдать тебе свою квартиру.

— Да как это не значит?! — заорал Антон так, что мембрана телефона затрещала, и мне пришлось отодвинуть трубку от уха. — Ты в своем уме вообще?! Ты сидишь с моим сыном, кормишь его, нянчишься, строишь из себя свя-

тую бабушку, а родной семье в элементарной помощи отказываешь?! Это лицемерие, мам! Чистой воды лицемерие! Ты просто издеваешься над нами!

— Антон, не кричи на меня.

— Буду кричать! Имею право! Ты нас за дураков держишь! Ты думаешь, можно вот так одной рукой супчик наливать, а другой — нас с детьми на помойку выкидывать?! Раз ты признаешь, что мы семья, раз ты сидишь с Егором — значит, ты должна понимать, в каком мы положении! Ты не можешь одной ногой быть с нами, а другой отгораживаться своим дурацким комфортом! Либо ты с нами, либо ты сама по себе!

Я почувствовала, как к горлу подступает горячая, удушливая волна. Хотелось бросить трубку, закричать в ответ, высказать всё, что копилось годами: и про то, кто кому на самом деле должен, и про то, сколько сил я отдала, чтобы он вырос сытым и одетым, и про то, что никто их «на помойку» не выкидывает.

Но я сделала медленный, глубокий вдох. Выдохнула.

Крик — это признак слабости. Стоит мне сорваться на крик, и он переведет спор в привычное русло базарной ссоры, где победитель определяется тем, кто громче хлопнет дверью.

— Я не держу вас за дураков, Антон. И я не «отгораживаюсь». Я люблю Егора и Алису. Но моя забота о внуках не продается за квадратные метры. Ты пытаешься купить мое

жилье моими же чувствами к детям. Этого не будет. Запомни раз и навсегда: моя спальня не освободится. Моя квартира не сдается и не разменивается.

— Ах вот как... — в голосе сына зазвучала ледяная, глухая ярость взрослого мужика, которому наступили на больную мозоль. — Вот как ты заговорила. Ладно. Хорошо. Значит, торговаться решила? Думаешь, ты самая незаменимая? Раз ты такая принципиальная, раз тебе твои стены дороже людей — отлично. Только тогда имей в виду: нам твои одолжения подачками не нужны. Не надо делать вид, что ты нам помогаешь! Если мы для тебя чужие — живи одна!

— Я не делаю одолжений. Я просто забрала внука.

— Сегодня забрала, а завтра не надо! — перебил он жестко. — Мы как-нибудь сами обойдемся! Без твоих супчиков и нравоучений! Не надо нам пыль в глаза пускать!

— Хорошо, — спокойно ответила я, хотя пальцы, сжимавшие телефон, побелели. — Если вы справляетесь сами — я буду только рада. Но сегодня Егор у меня. За ним нужно приехать.

— Я занят! — отрезал Антон. — У меня разгрузка фуры до семи вечера!

— Полина написала, что она в салоне до восьми.

— Значит, пусть сидит у тебя, пока я не освобожусь!

— Нет, Антон. Мы договаривались, что ты заберешь его в пять, самое позднее — в половине шестого. Я сижу с ребенком до шести вечера. Ровно до шести. После этого у меня

свои дела.

В трубке повисло тяжелое молчание. Казалось, он опешил. Он привык, что время матери — это резиновый резервуар, из которого можно черпать сколько угодно. Опоздал на час? Ничего, мама посидит. Застрял в пробке на два? Мама покормит еще раз и уложит спать. Она же на пенсии, она же дома, куда ей спешить?

— Какие еще дела? — процедил он с неприкрытым презрением. — Какие у тебя могут быть дела во вторник вечером? Сериал свой дурацкий смотреть будешь?

— Это мои личные дела, Антон. И отчитываться перед тобой я не обязана. В шесть часов Егор должен быть одет и собран. Решай сам: ты приедешь, Полина отпросится на полчаса раньше или вы вызовете ему такси с сопровождением. Но в шесть я закрываю дверь.

— Ты родного внука на улицу выставишь?! — в его голосе снова взвизгнула наигранная, театральная паника.

— Я не выставлю его на улицу, и ты прекрасно это знаешь. Но если к шести никто из родителей не появится, я сама отвезу его на вашу съемную квартиру, останусь с ним до прихода Полины. А счет за дорогу и потраченное время запишу на твою совесть. Не опаздывай, Антон.

Я нажала красную кнопку отбоя, не слушая, что он еще попытается выкрикнуть.

В прихожей было тихо. Слышно было только, как в большой комнате мерно скрипит перо: Егор выводил в тетрадке

сложные крючки и петельки.

Сердце колотилось где-то в горле, тяжелое, горячее. Я прислонилась лбом к прохладному стеклу межкомнатной двери и закрыла глаза. Сказать такое собственному сыну было физически больно, словно я сама себе оторвала кусок живой плоти. Вся моя прежняя жизнь — двадцать пять лет терпения, сглаживания углов, материнской уступчивости — кричала во мне: «Что ты наделала? Зачем ты обостряешь? Ну посидела бы до восьми, тебе что, трудно? Он же разозлится, он же не привезет детей!».

Трудно.

Теперь мне было трудно. Потому что я впервые увидела изнанку этой своей мягкости. Мое терпение они воспринимали не как любовь, а как пустоту, как свободное пространство, в которое можно въехать на тяжелых колесах своих проблем, наплевав на то, что останется позади.

Я расправила плечи, пригладила волосы перед зеркалом и вернулась в комнату.

Егор сидел, склонившись над тетрадью так низко, что кончик носа почти касался бумаги.

— Бабуль, я закончил упражнение, — сказал он, поднимая на меня ясные глаза. — Посмотришь?

— Конечно, посмотрю.

Я села рядом, взяла тетрадь. Буквы плясали, строчки местами съезжали вниз, но мальчик старался — это было видно по аккуратно стертым ластиком помаркам.

— Молодец, Егорушка. Вот здесь только, в слове «воробей», букву «о» подправь, чтобы на «а» не была похожа. И собирай ранец.

Он удивленно вскинул брови:

— Уже? Мы же еще робота не дособирали! Ты же говорила, мы сегодня лего достроим, до семи еще куча времени!

— Сегодня папа приедет пораньше, — мягко сказала я, погладив его по вихрастому затылку. — У него дела, и у меня вечером дела. Давай сложим учебники, чтобы потом не метаться.

Мы собрали ранец, проверили пенал, аккуратно сложили в пакет влажную после школы сменку. Оставшийся час мы провели спокойно: пили чай с остатками сырников, Егор показывал мне на телефоне короткие видеоролики про смешных котят, громко и заразительно смеясь. Я смотрела на него и молилась про себя только об одном: чтобы этот взрослый, грязный конфликт не коснулся его детской души слишком рано.

Ровно без пяти шесть в дверь позвонили.

Звонок был резким, коротким, нервным — так нажимают на кнопку люди, которых распирает от внутренней злости.

Я подошла к двери, посмотрела в глазок. На площадке стоял Антон. Куртка расстегнута, лицо серое от усталости и дорожной пыли, губы сжаты в узкую полоску.

Я повернула защелку и открыла.

Сын стоял на пороге. В квартиру он не шагнул — остал-

ся на площадке, словно демонстрируя, что брезгует переступать порог этого дома.

— Папа! — Егор выскочил из комнаты, волоча за собой ранец. — А бабушка сказала, ты пораньше приедешь! Мы с ней робота не успели достроить!

Антон даже не улыбнулся сыну. Он тяжело, исподлобья посмотрел на меня через голову мальчика. Взгляд был колючим, чужим, налитым тяжелой обидой.

— Одевайся, Егор. Быстро. Машина внизу на аварийке стоит, там встать негде.

Мальчик сразу почувствовал тяжелое напряжение между взрослыми — дети улавливают такие вещи мгновенно. Он притих, торопливо влез в ботинки, неумело и криво завязал шнурки, натянул шапку.

Я подала ему куртку, помогла просунуть руки в рукава, застегнула замок.

— До свидания, Егорушка. В четверг увидимся.

Мальчик потянулся обнять меня, но Антон резко взял его за плечо и притянул к себе:

— Пошли, Егор. Не задерживай бабушку. У нее же дела. Очень важные дела.

Он повернулся и подтолкнул сына к лестнице.

— Антон, — негромко позвала я.

Он остановился на первой ступени, не оборачиваясь всем телом, лишь слегка повернув голову в профиль.

— Чего еще?

— Ключ ты так и не вернул.

Он издал короткий, ядовитый смешок, от которого у меня внутри всё похолодело.

— Не переживай, Лариса Андреевна. Твои хоромы мне даром не нужны. Завтра завезу. Или по почте пришлю, чтобы ненароком твой драгоценный покой не нарушить.

— Завези завтра. И еще одно. В четверг я встречу Егора из школы, как обещали. Но прежний график я больше не собираюсь продолжать бесконечно. Назовём точную дату заранее, чтобы вы с Полиной успели договориться на работе.

Антон медленно повернулся ко мне лицом. Глаза его расширились, на скулах заходили желваки.

— Что ты сказала?

— То, что ты слышал. На этой неделе я помогу. А дальше будем заранее договариваться о каждом дне, пока вы не наладите своё расписание.

— Ты шантажировать меня вздумала?! — зашипел он, шагнув обратно к порогу, но я не отступила ни на шаг, оставаясь стоять в проеме. — Ты думаешь, я испугаюсь? Ты думаешь, мы без тебя сдохнем?! Да подавись ты своим четвергом! Мы завтра же продленку оформим! Поняла?! Сами справимся! Без подачек!

— Вот и прекрасно, — спокойно сказала я. — Давно пора.

— Пошли, Егор! — рявкнул он на притихшего, испуганного мальчика, дернул его за руку и быстро зашагал вниз по лестнице.

Дверь подъезда внизу грохнула так, что задрожали стекла в рамах.

Я стояла на пороге своей прихожей. В нос ударил холодный, сырой сквозняк с лестничной клетки.

Медленно прикрыв тяжелую дверь, я заперла нижний сувальдный замок на два оборота. Потом опустила верхнюю щеколду.

В квартире стояла абсолютная, гулкая тишина.

На столе в комнате осталась раскрытая тетрадка по русскому языку с недописанным словом «воробей». На блюдечке лежал надкусанный Егором сырник.

Я подошла к столу, аккуратно закрыла тетрадь, сложила ручки в пенал и убрала всё на край.

Руки больше не дрожали. Внутри не было ни паники, ни слез. Было только четкое, тяжелое понимание: прежняя жизнь кончилась. Сын не простит мне этого отказа — не потому, что я поступила дурно, а потому, что посмела сказать «нет». И теперь он будет бить по самому больному: по часам, по встречам, по детям.

Но отступать было некуда. За моей спиной оставался мой дом, и я только что сделала первый шаг к тому, чтобы этот дом снова стал по-настоящему моим.

Глава 3

Среда началась с обманчивой, сырой тишины.

Обычно в этот день я просыпалась без будильника, ровно в семь. Лежала несколько минут, глядя, как серый утренний свет медленно проявляет лепную розетку на потолке, потом шла босиком на кухню, ставила ковшик с водой для овсянки и слушала радиоприемник на холодильнике. Но сегодня тишина в комнатах казалась не мирной, а натянутой, точно тонкая леска перед обрывом.

Каждый шорох в подъезде отзывался во мне глухим толчком под ребрами. Скрипнет ли чужая входная дверь этажом выше, звякнет ли связка ключей у соседки, поднимающейся с собакой после первой прогулки, — я замирала с чашкой в руке и невольно прислушивалась к лестничной клетке.

Это было унизительное, липкое чувство: чувствовать себя настороженной птицей в собственном доме.

На тумбочке в прихожей лежала маленькая плетеная корзинка для мелочей. В ней всегда хранились копеечные монеты для хлебного ларька, старый наперсток, пара запасных пуговиц от демисезонного пальто и сложенный вчетверо чек из аптеки. Раньше там лежал еще один предмет — тяжелый латунный ключ на коротком кожаном ремешке. Дубликат от верхнего замка моей входной двери.

Три года назад, собираясь на две недели в санаторий под

Кострому подлечить вечно ноющие суставы, я сама сняла этот ключ с кольца и отдала Антону. Помню тот день до последней пылинки в воздухе: сын стоял у меня в коридоре, торопился, нетерпеливо покачивал на пальце брелок от своей машины. Я протянула ему ключ и сказала: «Антон, пусть полежит у тебя. Мало ли что: батарею прорвет, соседей снизу начнем заливать или цветок на лоджии засохнет. На экстренный случай». Он тогда небрежно сунул его в карман джинсов, чмокнул меня в щеку и бросил: «Да брось, мам, какой пожар, вернешься — заберешь».

Я вернулась. А ключ остался у него.

Потом как-то забылось. Сначала казалось глупым напоминать: свой же сын, родная кровь, не чужой человек с вокзала. Затем успокаивала себя привычной материнской мыслью: «Пусть будет. Вдруг мне ночью станет плохо со спиной, а дверь заперта? Доедет, откроет». Это казалось естественным признаком семьи — иметь запасной ключ у взрослых детей.

Но в понедельник этот ключ перестал быть символом сыновней заботы. Он превратился в отмычку.

Антон не постучал. Он не предупредил звонком с дороги: «Мам, я мимо еду, ты дома?». Он просто подошел к двери, вставил металл в скважину, повернул дважды и вошел в мою спальню с рулеткой, словно ступил на ничейную, бесхозную территорию, готовую к разделу.

Я подошла к входной двери, проверила нижний сувальд-

ный замок. Тяжелые ригели глубоко уходили в стальной косяк. Верхний цилиндрический замок был закрыт, цепочка накинута на паз. Но одного взгляда на замочные скважины было довольно, чтобы внутри снова поднялась волна глухой, горькой тревоги. Пока у Антона в кармане болтался дубликат, моя квартира больше не принадлежала мне до конца.

После завтрака я заставила себя заняться делами. Взяла тряпку, протерла пыль с корешков книг на открытых полках в гостиной, перебрала старые негативы в обувной коробке, сложила в стопку альбомы со снимками городских улиц, которые делала еще в молодости пленочным «Зенитом». Физическая работа всегда помогала мне собирать мысли в кулак, прогонять тупую головную боль и не скатываться в жалость к себе.

Около двух часов дня я собралась выйти за молоком и свежей газетой. Накинула ветровку, потянулась к ручке двери — и замерла.

С той стороны, из полутемного подъезда, донесся короткий, торопливый шаг по цементным ступеням. Кто-то поднялся на площадку третьего этажа, остановился прямо перед моей квартирой. Пауза. Шорох ткани, звяканье металла в кармане.

А затем в замочную скважину верхнего замка с сухим, отчетливым скрежетом вошел чужой ключ.

Сердце пропустило удар и забилось где-то у самого горла. Я стояла в метре от полотна, глядя, как медленно, с усили-

ем пытается провернуться латунный барашек замка. Металл уперся, щелкнул один раз — и встал. Нижний сувальдный замок, запертый мною изнутри на два полных оборота, намертво держал дверь.

С той стороны послышался приглушенный мат. Замочную ручку резко дернули вниз, раз, другой, с силой нажимая на пружину.

Он даже не попытался нажать на кнопку звонка. Он просто пришел, чтобы открыть дверь своим ключом и перешагнуть порог.

После третьей безуспешной попытки дернуть ручку в дверь тяжело, требовательно постучали кулаком. Раздался громкий, трескучий звонок.

Я глубоко вздохнула, прижала ладонь к груди, пережидая спазм в легких, и подошла вплотную. Посмотрела в глазок.

На площадке стоял Антон. В серой рабочей куртке с логотипом базы снабжения, расстегнутой на груди, с толстой пластиковой папкой под мышкой. Лицо у него было сердитое, нетерпеливое, брови сдвинуты к переносице. В руке он сжимал связку ключей.

Я откинула цепочку, повернула ручки нижнего замка. Металл щелкнул сухо и громко.

Распахнула дверь.

Антон стоял на пороге, уже занеся ногу, чтобы шагнуть внутрь, но наткнулся на мой взгляд и замер на площадке.

— Ты что, забаррикадировалась? — с порога, без «здрав-

ствуй», с раздражением выпалил он. — Я ключ вставил, а он не идет! Думал, замок заклинило к чертовой матери. Ты зачем на нижний изнутри запираешься днем?

Я не отступила вглубь прихожей, оставаясь стоять в проеме, положив руку на дверной косяк.

— Я запираюсь в своей квартире так, как считаю нужным, Антон. Здравствуй.

Он на секунду сбился с тона, дернул плечом, но привычная спешка и деловитая самоуверенность тут же вернули ему напор.

— Да ладно тебе, здравствуй. Пусти, я на пять минут. Ветер в подъезде собачий, по ногам тянет.

Я сделала полшага назад, пропуская его в прихожую, но дверь за ним закрывать на защелку не стала — просто притворила. Антон быстро шагнул на линолеум, сбросил с плеча куртку и бросил ее прямо на спинку банкетки. Ботинки он на этот раз снял, но с таким небрежным раздражением, что один из них отлетел к плинтусу, оставив на светлой стене черную резиновую полосу.

— Что случилось, Антон? — спросила я, глядя на эту полосу.

— Ничего не случилось, мам. Мы просто по делу, — он достал из кармана брюк сложенный вчетверо лист бумаги и развернул его. Это был чертеж от руки, набросанный шариковой ручкой на листе в клетку. — Короче, слушай. Полина сегодня смену в салоне закрывает пораньше, в четыре часа.

Мы договорились, что я за ней заезжаю, и мы сразу к тебе. Надо большую комнату еще раз замерить, но уже вместе с ней. Она сомневается, встанет ли наш угловой диван между окном и сервантом. Сервант твой полированный, скорее всего, придется выставить к мусорке или продать за копейки через сайт, он полкомнаты сжирает. И на кухне надо глянуть: Полина хочет посмотреть, куда наш холодильник двухкамерный пристроить, твой-то маленький совсем, на четырех человек продуктов в него не набьешь.

Он говорил так просто, с такой будничной деловитостью, будто перечислял список покупок в супермаркете. В его голосе не было даже тени сомнения в том, что он имеет полное право распоряжаться моим сервантом, моей кухней и моим временем.

Я смотрела на чертеж в его руках. Аккуратные квадратики, стрелочки, надписи синей пастой: «диван», «стол Егора», «комод Алисы».

Они уже расселили меня. Мысленно они уже вынесли из дома мои вещи, освобождая место под свои диваны и коробки.

— Антон, — негромко произнесла я. Голос не дрожал, но в горле стоял горький, терпкий ком. — Ты сейчас вставил ключ в мой замок.

Он поднял глаза от схемы, недоуменно моргнул:

— Ну вставил. И что?

— Ты даже не нажал на звонок. Ты собирался открыть

дверь своим ключом и войти внутрь без спроса.

— Мам, господи боже мой! — сын всплеснул руками,и бумага в его пальцах сердито захрустела. — Ты опять за свое? Да что с тобой происходит на этой неделе?! Я к матери пришел! Не к чужой тетке, не в банк за кредитом! У меня есть ключ, зачем мне звонить и ждать под дверью, если я могу открыть сам? Ты же все равно дома сидишь!

— Я не «сижу дома», Антон. Я живу в своей квартире. И у меня есть право знать, кто и когда переступает мой порог.

— Да кто «кто»-то?! — голос его взметнулся вверх, эхом ударившись о высокий потолок прихожей. — Я твой сын! Единственный сын, между прочим! Ты со мной разговариваешь так, будто я вор какой-то или участковый с обыском! «Без спроса», «вставил ключ»... Ты вообще слышишь себя со стороны? У всех нормальных людей ключи от родительских квартир на связках висят годами, и никто из этого трагедию шекспировскую не устраивает!

— У нормальных людей не приходят с рулеткой без предупреждения, когда хозяйка на работе, — отчеканила я. — И не планируют вынос мебели за ее спиной.

Антон тяжело задышал через нос. Лицо его потемнело, у ноздрей обозначились две резкие, злые складки. Он скомкал свой план в кулаке и с размаху бросил его на тумбочку.

— Так, понятно. Ты опять решила нервы помотать. Вчера тебе мало было скандала с Егором? Решила продолжить?

— Вчера скандал устроил ты.

— Я?! — он искренне, яростно округлил глаза. — Я устроил?! Я приехал за сыном, а ты мне с порога заявляешь: «Забирай его ровно в шесть, у меня дела, а дальше каждый день согласовывать надо»! Ты родную семью перед фактом поставила! Полина всю ночь не спала, валокордин пила, плакала! Ей через неделю хоть увольняйся из-за тебя! Кто детей из школы водить будет?! Ты об этом подумала своим принципиальным умом?!

— Полина — мать этих детей, Антон. А ты — их отец. Это ваша обязанность — думать, кто их будет забирать. Не моя.

— Да мы для них и стараемся! — выкрикнул он, шагнув ко мне вплотную. От него резко пахло дешевым дорожным кофе и застарелым табачным дымом. — Мы из-за них к тебе прорываемся! Потому что детям расти негде! Потому что у нас каждый рубль на счету! А тебе плевать! Ты уперлась рогом в свои метры и сидишь довольная! Тебе важнее, чтобы твои цветочки на подоконнике ровно стояли, чем родным внукам нормальное детство обеспечить!

Я стояла прямо перед ним, не опуская глаз и не делая шага назад.

Внутри меня все дрожало мелкой, противной дрожью, но эта дрожь больше не была страхом или растерянностью. Это было окончательное, выстраданное прозрение. Передо мной стоял взрослый, сильный мужчина, который привык продавливать мир своим напором и криком. И я сама — своими руками, своей многолетней уступчивостью, своими вечны-

ми «сынок, не расстраивайся, я помогу» — научила его так со мной разговаривать. Я сама дала ему в руки этот ключ, позволила поверить, что границы моего дома и моей жизни прозрачны, как стекло, и их можно выбить плечом в любой момент, когда семье понадобится удобство.

— Антон, — сказала я тихо, но так тяжело и раздельно, что он осекся на полувздохе. — Замолчи.

Он замер с открытым ртом, глядя на меня с неприкрытым остолбенением. Я никогда раньше не говорила с ним таким тоном. Никогда за тридцать пять лет его жизни.

— Никаких замеров сегодня не будет, — произнесла я, глядя ему прямо в зрачки. — Ни в четыре часа, ни в пять, ни в выходные. Никакой Полины с рулеткой здесь не появится. Твой сервант останется у тебя на съемной квартире, как и твой диван. А мой сервант простоит на этом месте столько, сколько я сочту нужным.

— Мам...

— Слушай меня, — перебила я, поднимая руку. — Слушай внимательно и запоминай. С этого момента действует одно простое правило: в эту квартиру никто не входит без моего предварительного звонка и моего согласия. Ни ты. Ни твоя жена. Никто. Если ты хочешь прийти ко мне в гости — ты сначала звонишь, спрашиваешь, удобно ли мне, дома ли я и готова ли я вас принять. Если я говорю «нет» — вы остаетесь дома.

— Ты в своем уме?! — прошипел он, и лицо его пошло

багровыми пятнами. — Ты мне условия ставить будешь?! В квартиру, где я вырос?!

— Это не твоя квартира, Антон. Ты здесь вырос, но ты отсюда ушел десять лет назад. У тебя своя семья, свой дом и свои правила. А здесь — мои. И второе. Достань ключи.

Он отшатнулся от меня, словно я замахнулась на него ножом.

— Что?!

— Достань связку и сними ключ от моего верхнего замка. Положи его на тумбочку. Прямо сейчас.

В прихожей повисла такая густая, вязкая тишина, что стало слышно, как в ванной капает вода из неплотно закрытого крана. Кап. Кап. Кап.

Антон смотрел на меня тяжелым, налитым ненавистью взглядом. Руки его сжались в кулаки, вены на шее вздулись.

— Ты требуешь вернуть ключ? — переспросил он глухим, сдавленным голосом.

— Да. Я требую вернуть ключ.

— Ты... ты мне не доверяешь? Собственному сыну? Ты боишься, что я приду и обворую тебя?!

Это была классическая, отработанная до автоматизма манипуляция. Перевернуть все с ног на голову, сделать виноватым того, на кого напали, обвинить жертву в черствости и подозрительности. Еще неделю назад я бы замешкалась, начала оправдываться: «Антон, ну что ты такое говоришь, я тебе доверяю, просто...».

Но сейчас эта фальшивая обида вызывала во мне только холодную усталость.

— Доверие здесь ни при чем, Антон. Доверие кончилось в тот момент, когда ты вошел сюда чужим хозяином и начал прикидывать, куда сдвинуть мой шкаф. Ключ давался на случай пожара и потопа. Ты используешь его как отмычку. Положи ключ на комод.

Сын медленно, с показным омерзением сунул руку в карман куртки, вытащил тяжелую металлическую связку. На ней звенели ключи от машины, чип от шлагбаума, длинный гаражный ключ и тонкий, с желтоватым латунным отливом ключ от моей двери.

Он подержал связку на ладони, покрутил перед моим лицом:

— Вот он. Довольна? Ты думаешь, мне твоя конура нужна?! Да я вообще сюда больше ни ногой не ступлю! Слышишь ты меня?! Ни ногой!

— Сними ключ с кольца, Антон.

Он скрипнул зубами, попытался подцепить ногтем жесткую стальную пружину кольца, но ноготь соскользнул с сухим щелчком. Антон выругался, еще сильнее покраснел от бессилия и злости.

— У меня ногти не казенные, чтобы кольца разгибать! — рявкнул он, пряча связку обратно в карман. — Он намертво сидит! Я сейчас не собираюсь пальцы ломать ради твоих капризов!

— Антон, не придумывай. Дома снимешь пассатижами.

— Вот дома и сниму! — отрезал он, уже хватая свою куртку со спинки банкетки. — Завтра завезу! Или с Полиной передам, когда она с работы пойдет! Нам твои подачки не нужны, подавись ты своим ключом!

Он стал торопливо, неуклюже натягивать ботинки, наступая на задники, не глядя под ноги. Пальцы у него тряслись от бешеной, не находящей выхода ярости.

— Только ты помни, мама, — заговорил он сдавленным, свистящим шепотом, выпрямляясь и глядя на меня в упор. — Земля круглая. Тебе шестьдесят лет скоро. Завтра у тебя давление под двести скаканет, сердце прихватит или ногу на гололеде сломаешь — к кому ты звонить побежишь? Кому орать будешь: «Помогите, спасите»?! Ключа у меня не будет! Дверь железная, закрытая! МЧС пока доедет, пока болгаркой твои замки распилит — ты тут три раза сдохнешь на ковре в одиночестве! Ты об этом подумала собственными мозгами?!

Каждое его слово падало, как комок мокрой, мерзлой земли на крышку гроба. Он бил наверняка, по самому глубокому, первобытному страху любого стареющего человека — умереть в запертой комнате без помощи.

В глазах у меня защипало, но я не отвела взгляда. Я только крепче сжала пальцы на деревянном косяке, чувствуя холод и твердость полированного дуба.

— Если со мной что-то случится, Антон, я вызову скорую

помощь. А если не успею — значит, такова моя судьба. Но жить в страхе и расплачиваться собственным домом за право на экстренный звонок я не стану. Завтра ключ должен быть у меня.

— Да пошла ты, — бросил он тихо, сквозь зубы.

Он толкнул входную дверь плечом, выскочил на площадку и с размаху грохнул створкой. Звон стоял такой, будто в подъезде лопнула чугунная труба.

В воздухе висели клубы пыли, запах его сигарет и тяжелая, нежилая духота. На светлом линолеуме чернела жирная полоса от подошвы его ботинка. На тумбочке валялся скомканный бумажный лист с планом моей спальни, расчерченным под чужой диван.

А ключ остался у него.

Ключ он снова унёс. Отговорка про тугое кольцо уже ничего не меняла: вернуть дубликат добровольно сын так и не захотел.

Я подошла к двери, повернула вертушок нижнего сувальдного замка. Два оборота. Тяжелые стальные ригели с глухим, надежным ударом вошли в пазы. Опустила цепочку.

Потом прошла на кухню, открыла форточку. В лицо ударил сырой, пахнущий мокрым асфальтом и прелыми листьями сквозняк. Стало легче дышать.

Я налила в стакан холодной воды, выпила залпом. Сердце колотилось тяжело, толчками, отдаваясь тупой болью в затылке, но голова была ясной. Удивительно, пугающе ясной.

Словесные запреты не работали. Разговоры об уважении, о чужих границах, о совести — для Антона все это было пустой шелухой, признаком материнской слабости, которую можно и нужно продавить. Он слышал только силу и видел только материальные преграды.

Я достала из кармана телефон, разблокировала экран и открыла список местных объявлений района.

Там, в разделе бытовых услуг, было несколько десятков номеров: ремонт обуви, заточка ножей, изготовление ключей. И отдельная строка: «Срочная замена и установка замков любой сложности. Вскрытие, врезка, регулировка дверей».

Я набрала первый номер.

Гудки шли долго, потом в трубке раздался спокойный, хрипловатый мужской голос:

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, — я сделала паузу, выравнивая дыхание, чтобы голос звучал твердо и деловито. — Скажите, пожалуйста, вы меняете цилиндры в замках?

— Меняем, конечно. Какая дверь у вас? Металлическая или дерево?

— Металлическая. Старая, тяжелая. Верхний замок круглый, английский. Мне нужно поменять личинку, чтобы старые ключи больше не подходили.

— Без проблем, хозяйка. Там работы на пятнадцать минут. Личинка стандартная или с перекодировкой нужна? Мо-

гу приехать со своими цилиндрами, подберем по длине и цвету планки — латунь или никель.

— Подберите, пожалуйста. Сколько это будет стоить?

Мастер назвал сумму. Не маленькую для моего флористического дохода, но вполне подъемную — примерно столько стоили три смены в мастерской или пара хороших сапог на распродаже.

— Когда вы сможете подъехать? — спросила я.

— Сегодня уже все расписано до вечера, заказов много по аварийкам. Давайте на следующей неделе, в понедельник с утра? Часикам к десяти буду у вас, все сделаем в лучшем виде, пять новеньких ключей в запечатанной коробочке отдам вам в руки. Ни один старый дубликат больше не повернется.

— В понедельник, в десять утра, — подтвердила я. — Запишите адрес.

Я продиктовала улицу, номер дома, подъезд и этаж.

— Договорились, Лариса Андреевна. В понедельник буду.

Я положила трубку на стол.

В кухне стало тихо. Сквозняк шевелил край легкой занавески, за окном качались мокрые ветки ясеня.

До понедельника оставалось пять дней. Я записала время приезда мастера на обороте квитанции из аптеки.

Я подошла к прихожей, взяла с тумбочки скомканный лист с чертежом диванов и шкафов, аккуратно расправила его пальцами, а затем разорвала пополам. Потом еще раз пополам. И бросила обрывки в мусорное ведро.

Обрывки чужого плана легли поверх картофельных очисток. Я закрыла ведро крышкой.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.